

---

## К ВОПРОСУ О «ВИЗАНТИЙСКОМ ВЛИЯНИИ» НА РУСИ

Один из наименее изученных вопросов раннефеодального периода в истории культуры Руси — это вопрос о так называемом «византийском влиянии». Буржуазная наука и, в частности, буржуазное литературоведение склонны были придавать этому «византийскому влиянию» определяющее значение в образовании древнерусской литературы.

Еще до недавнего времени общие курсы истории русской литературы древнейшего периода принято было начинать с разделов, посвященных переводной литературе. В этих разделах рассматривались переводы, сделанные с греческого и в XI, и в XII, и даже в XIII вв. В результате переводные произведения XII—XIII вв. оказывались поставленными впереди русских оригинальных произведений XI в. Волей или неволей у читателей могло создаться впечатление, что вся переводная литература предшествует всей местной, русской, а в теоретическом плане «византийское влияние», непосредственно или через болгарское посредничество, как бы объявлялось единственным фактором сложения древнерусской литературы на ранних этапах ее развития.

С другой стороны, полное отрицание влияний, заимствований и взаимодействия литератур было характерно для вульгарных материалистов. Оно было, в частности, характерно и для «школы» Н. Я. Марра, для ее так называемого «палеонтологического анализа», опиравшегося на «теорию самозарождения» антропологической школы Тэйлора, Лэнга, Бастиана, Фрезера.

К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что в развитии идеологических форм существует преемственность и взаимодействие между собой. «Как особая область разделения труда, философия каждой эпохи располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей

ее предшественниками и из которого она исходит».<sup>1</sup> Экономическое развитие оказывает влияние на различные области идеологии «в конечном счете», но «оно имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью: в философии, например, воздействием экономических влияний (которые опять-таки оказывают воздействие по большей части только в своем политическом и т. п. одеянии) на имеющийся налицо философский материал, доставленный предшественниками».<sup>2</sup>

У нас нет никаких оснований умалять значение переводной литературы в формировании литературы собственно русской. Роль переводной литературы бесспорна, но, вместе с тем, и не так безгранична, как это представлялось буржуазному литературоведению.

Нет оснований преуменьшать значение взаимодействия идеологических форм, их преемственность и взаимодействие культур отдельных стран, однако эти взаимодействия в конечном счете каждый раз определяются базисами, внутренними особенностями в развитии общества. На этом положении нам и придется остановиться в дальнейшем, рассматривая исторические предпосылки так называемого «византийского влияния» на русскую литературу.

Вопрос о переводной литературе XI в. не может рассматриваться изолированно от общеисторического процесса того же времени. Русско-византийские литературные отношения являлись лишь частью их отношений общеполитических и культурных. Именно этого не хотели понять буржуазные литературоведы, занимавшиеся историей литературы в отрыве от истории, изучавшие литературу древнерусского государства в отрыве от общих проблем русской культуры того же времени. А между тем разве можно понять идейный смысл «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, не принимая во внимание византийско-русских отношений времени княжения Ярослава Мудрого, или пытаться истолковать Поучение Владимира Мономаха вне его собственной политической деятельности.

С давних времен, с начала второй половины первого тысячелетия, по мере развития классового феодального общества на Руси все более и более стал выделяться идеологический фактор. Объединение племен, затем образование собственно русского государства не только разбудили патриотическое сознание народа, вызвали его к жизни, но и сами для своего осуществления нуждались в этом патриотическом сознании. Вместе с тем развитие

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. 1947, стр. 430.

<sup>2</sup> Там же.

классов приводило к тому, что господствующий класс феодального общества все более испытывал нужду в идеологической опоре своего господства, в идеологической «обработке» народных трудовых масс.

Образование обширного, но еще не спаянного достаточно прочными экономическими связями государства, потребовало создания литературы, которая могла бы обслуживать это государство и господствующий класс.

Со сменой исторических формаций новый господствующий класс прибегает к идеологическим формам воздействия на эксплуатируемые классы, частично заимствуя эти формы идеологического воздействия у господствующего класса предшествующей формации. Так было при смене рабовладельческой формации феодальной, и феодальной — капиталистической.

Феодальная литература южной и частично Западной Европы среди многих факторов своего создания имела, в частности, наследие античности как материала для создания новой классовой литературы феодалов. Враждебная античной языческой культуре церковь была вместе с тем ее активной хранительницей и пропагандистом — в той ее части, которая могла способствовать утверждению классового господства феодалов. Еще «блаженный» Августин указывал на необходимость изучения античной литературы. Изучение античности в эпоху феодализма на Западе процветало и во времена Карла Великого. В придворной академии Карла Великого — в своеобразном аристократическом кружке, где главными участниками были крупные феодалы, — писались латинские стихи, подражающие римским поэтам классического периода. Участником этого латинского стихотворства был и сам Карл Великий. Это отнюдь не случайно: классовое общество нуждалось в классовой литературе, заимствуя и используя для этого опыт классовой же литературы предшествующей рабовладельческой формации, опыт античности. Нечего говорить, что феодалы приспособлялись к своим классовым интересам античную литературу и не могли правильно, всесторонне ее воспринять.

То обстоятельство, что Русь пришла к феодализму, минуя рабовладельческую формацию, было чревато значительнейшими последствиями в области идеологической надстройки. Отсутствие развитой рабовладельческой стадии в истории восточного славянства создало совершенно иную ситуацию в области культурного наследия, чем в феодализме византийском и, частично, южно- и западноевропейском. Там, на юге и на западе Европы и в Византии, феодалы имели возможность использовать, приспособлять к своим нуждам классовую культуру античности. Совершенно иным было положение на Руси. Богатейшее куль-

турное наследие древнерусского государства, воспринятое от предшествующего периода, не было классовым. Киевская Русь обладала собственной многовековой культурной традицией, но эта традиция была в основном традицией народной культуры. Эта традиционная народная культура стала мощной опорой самобытности русской культуры во всем последующем ее развитии. Однако на промежуточных ступенях развития между обществом родовым и феодальным не успели еще выработаться свои классовые, достаточно развитые надстроечные явления, опытом которых могли бы воспользоваться феодалы.

Русская литература эпохи феодализма не имела предшествующей ей литературы. Сама письменность возникла еще недавно. Между тем, в создании собственной надстройки, как мы уже видели, господствующий класс испытывал острую потребность.

Вот почему за поисками идеологической опоры господствующему классу древней Руси пришлось обратиться к развитой классовой культуре Византии. Именно здесь, в Византии, феодальные верхи Руси могли найти немало готовых ответов на свои запросы. Под властным давлением классовых потребностей в собственной надстройке верхи феодального общества Руси обращаются к Византии и находят здесь многое, что могло оказаться им пригодным.

Сходные явления мы видим и в северной Европе — в Скандинавии. Скандинавские народы развивались от родовых отношений к феодальным, минуя рабовладельческую формацию. Развитие феодальных отношений вынуждает их в XIII в. обращаться к опыту классовой феодальной рыцарской культуры европейского континента и Англии.

Та культура, которая заимствуется господствующим классом феодальной Руси из Византии, была в основном культурой господствующего класса. Византийская народная культура, особенно отчетливо представленная в восточных, малоазийских провинциях Византийской империи, почти не оказала непосредственного «влияния» на культуру Руси.<sup>1</sup> Воспринятой на Руси оказалась по преимуществу культура Константинополя, культура чиновничьей, аристократической верхушки Византии, культура двора, правительства — культура господствующего класса Византии. Эта культура была подчинена интересам государства Византии, интересам классового господства византийской аристократии и резко противостояла культуре трудового населения

<sup>1</sup> Ниже мы укажем, что через посредство верхов феодального общества Византии народная византийская культура, воспринятая этими верхами, на Русь влияние оказала довольно сильное.

Византии,<sup>1</sup> хотя частично и использовала ее в своих классовых интересах.

Чиновничество, двор, церковь требовали от искусства и литературы прежде всего дидактики, поучения, воспитания граждан в духе покорности государству и церкви. В литературе, как и в искусстве, господствующие классы Византии искали прежде всего общедоступного изложения религиозного учения и требовали от них, чтобы они вселяли уважение к государственной власти и власти церкви.

Литература и искусство Византии носили ярко выраженный идеалистический характер. Литература и искусство шли не от опыта, не от наблюдений, не от реальной жизни, а от «вечных» богословских «истин». В жизни писатели и художники пытались найти лишь конкретное воплощение этих истин. Конечно, и в византийскую литературу проникали и наблюдение действительности, отражение политических требований жизни, но они проникали вопреки той общей идеалистической установке, которая господствовала в византийской культуре. Проникало в византийскую литературу и народное начало, народные темы, сюжеты, но они, в основном, подчинялись интересам господствующей идеологии. Так было с поэмой о Дигенисе Акрите или с житием Алексея Человека божьего. Чисто народная литература проникала на Русь неофициальными каналами — вместе с еретическими мнениями. К народной литературе отчасти могут быть отнесены некоторые апокрифы. Пути проникновения их на Русь однако не изучены.

Таким образом, первое, что мы должны отметить, изучая вопрос о «византийском влиянии», — это то, что «влиятельна» на Русь вовсе не вся византийская культура, а преимущественно та ее часть, которая имела теснейшую связь с господствующим классом византийского общества и отвечала его нуждам.

Летописец по-своему довольно точно определил в рассказе о выборе новой веры те черты византийской культуры, которые определили предпочтение, отданное русскими послами византийскому православию среди всех других вероисповеданий, с которыми они познакомились. Послов привели в царьградский храм Софии. Для них было устроено особенно торжественное богослужение. Впечатление от этого богослужения, — очевидно в совокупности всех его сторон, — впечатление от храма (от архитектуры), от убранства храма (мозаик, фресок, икон, золотых сосудов), от церковного пения (от музыки), — вот что, по мнению летописца, решило вопрос о вере.

<sup>1</sup> См. характеристику господствующей культуры Византии в книге В. Н. Лазарева: Искусство Византии. М., 1947, гл. I.

Конечно, не тот или иной прием русских послов в царьградской Софии определил выбор веры, но, тем не менее, доля истины в определении причин предпочтения православия в этом летописном рассказе все же есть. В сущности, это очень верный и очень умный рассказ летописца, который только при поверхностном взгляде может показаться наивным.

С точки зрения летописца, выбор православной веры был продиктован пышностью византийской культуры, ее способностью идеологического воздействия. В этой пышности нуждалась господствующая часть русского общества для утверждения своего господства.

Греки знали, что они делали, когда показывали русским послам торжественное богослужение в Софии. Так они поступали не с одними русскими послами. В житии Григория Омиритского рассказывается о том, что греки показывали софийское богослужение послам халифа Моавии, — в результате впечатления от рассказа своих послов халиф крестился. Об особенно торжественном приеме в императорском дворце в Константинополе повествует и епископ Кремонский — Лиутпранд. Таких случаев было немало.

Таким образом, культура, которая оказала «влияние» на русское общество, была культурой высших классов Византии. Это была культура аристократии, чиновничества, культура тесным образом связанная с потребностями правительства Константинополя, хотя и созданная частично руками народа. Как мы уже отметили, местная, независимая народная культура Византии осталась в стороне, и теперь нам понятно почему: в византийской культуре на Руси были заинтересованы только верхи киевского общества, господствующий класс феодалов Руси нуждался в культуре господствующих классов византийского общества.

Старая классовая византийская культура была призвана на помощь молодой классовой же культуре Руси. Потребности господствующего класса феодалов на Руси — вот, что определило собою в первую очередь перенос элементов культуры господствующего класса феодалов Византии.

Отсюда совершенно ясен вывод, который очень решительно бьет по тем, кто видел в так называемом «византийском влиянии» явление общенародное, кто объяснял это «влияние» как влияние более развитой национальной культуры на менее развитую национальную же культуру, кто видел в этом влиянии чисто пассивное следование русских образцам более высокой культуры. На самом деле так называемое «византийское влияние» есть явление классовое, по преимуществу искусственное, и вызывалось

оно главным образом активными потребностями господствующего класса феодалов Руси.

Необходимо отметить, что склонностью находить себе опору в чужеземной культуре во все времена и у всех народов отличались прежде всего господствующие классы: в России феодалы, затем дворянство и, наконец, буржуазия. «Заказчик» и в самом деле будет всегда чаще находиться под влиянием чужеземных образцов, моды, трафаретов и традиций.

Подлинный же творец — носитель начала самобытного — будет вносить новое и свое в создаваемые им произведения, будет меньше следовать неразумной традиции и будет тверже противостоять моде на чужое.

Вот почему трудовой народ не бывает заражен космополитизмом и всегда противостоит «влияниям». Между тем господствующие классы обычно больше всего нуждаются в том, чтобы следовать чужеземным образцам. Именно «нуждаются», — чтобы, сменив свое на чужое, резче отделиться от трудового народа, искусственно и властно встать над ним.

Однако в нашем случае перенос отдельных элементов византийской культуры в конце X—XI в. отнюдь не свидетельствует еще об особой склонности феодальных верхов к «космополитизму». Здесь дело сложнее, чем представляется обычно.

Прежде всего термин «влияние» далеко не точен. «Влияние» предполагает активность влияющего и пассивность того, на кого влияют. В нашем же случае дело обстояло как раз наоборот. Феодальные верхи активно берут, а не получают от Византии то, что им нужно. Они берут элементы византийской культуры для утверждения своего классового государства. Это кажется на первый взгляд парадоксальным, но это было именно так.

В период раннего феодализма, когда класс феодалов был еще молодым и ему принадлежало будущее, элементы византийской культуры усваивались на Руси путем борьбы. Борьба возникала как следствие жизненно-крепкого усвоения. Творческий же характер усвоения был отчасти обусловлен борьбой. Мне уже приходилось говорить о том, что усвоение элементов византийской культуры сочеталось при Ярославе Мудром с борьбой против политического влияния этой культуры и против идейных притязаний византийской императорской власти.<sup>1</sup>

Несмотря на то, что Десятинная церковь в Киеве при Владимире и громадное строительство, предпринятое в Киеве Ярославом Мудрым, в частности храм Софии с его пышным

<sup>1</sup> Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945.

внутренним убранством, были осуществлены в основном в византийских формах, они были творчески переработаны, — это было русское искусство, и не только по праву собственности. Строительство это служило Русскому государству. Стремление создать пышные храмы диктовалось отчасти чувством равноправности Руси Византии. Самые размеры и великолепие убранства церкви Софии как бы доказывали силу и могущество Руси, русской церкви, ее права на самостоятельное существование. Не случайно Адам Бременский называл Киев соперником Константинополя, а Маркс и Энгельс, имея, повидимому, в виду именно это свидетельство Адама Бременского, говорят, что Киев «называли вторым Константинополем».<sup>1</sup>

Элементы византийской культуры со всей определенностью, со всей решительностью были поставлены на службу Русскому государству.

Затрачивая огромные средства, скопившиеся в немногих руках русской феодальной знати в конце X—XI вв., господствующему классу Руси удалось перенести к себе элементы аристократической культуры Византии. Она сказалась в различных формах, но на первых порах не во многих местах, не во многих городах и княжествах. Она налегла тонким слоем, подвергшись резкому переосмыслению, став русской, если не по форме, то по идее — по своему служению относительно единому древнерусскому раннефеодальному государству.

В самой Византии культура господствующих классов была в значительной мере лишена какой-либо одной национальной окраски, она была в известной мере многонародной. Она соединила в себе элементы культуры многочисленных народностей южной Европы, Северной Африки и Малой Азии, в частности Армении, Грузии и других стран. Вот почему с такой легкостью могли совершаться и обратные пересадки в инородную почву: на Русь, в Италию, в Грузию, в Армению, или, скажем, в несторианскую Абиссинию. В целом «византийское влияние» на Руси или византийские традиции усиливаются каждый раз, когда усиливается централизация государственной власти.

Значение отдельных элементов культуры господствующего класса Византии было особенно велико и необходимо в пору перехода к развитому классовому феодальному обществу, в пору усиления господствующего класса феодалов. Византийская классовая и правительственная культура оказывается особенно полезной для древнерусского государства в X—начале XI в. В пору же феодальной раздробленности она ослабевает. В это

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 439.



время стало возможным существование множества местных художественных и литературных школ.

В эпоху образования русского централизованного государства, особенно в конце XV и в XVI в., идеалистические «византизирующие» влияния очень усиливаются в русской культуре сверху, но они встречают резкое противодействие снизу мощной народной культуры. Обращение к византийским элементам культуры уже после падения Византии, утраты ею независимости, представляет очень интересное явление в русской культуре XVI—XVII вв. Феодалный класс Руси возрождает идеи византийской государственной власти, применяя их к власти русского государя, обращается к произведениям византийской литературы, к формам византийского искусства с целью укрепления авторитета государственной власти особенно в годы реакции.

Слабые попытки, но все же попытки возродить традиции идеалистической византийской культуры делаются в годы после «Смуты» как реакция на крестьянские войны и социальные движения первых лет XVII в.

Таким образом, «византийское начало» искусственно оживляется уже после того, как исчезла сама Византия. Здесь, следовательно, опять-таки дело не во «влиянии».

\*

Был ли этот перенос элементов культуры господствующего класса Византии в культуру господствующего класса Руси явлением прогрессивным? Вопрос этот удобнее поставить в такой форме: отвечал ли этот перенос хотя бы в каких-то отношениях интересам трудового народа или он только способствовал усилению классового господства феодалов; способствовали ли эти элементы культуры господствующего класса Византии развитию всей русской культуры в целом?

Ответ на этот вопрос должен быть, конечно, положительным. Древнерусское язычество было по преимуществу связано с доклассовым сознанием, с доклассовой стадией развития общества. Оно стало тормозящей и реакционной силой в развитии русского общества, в развитии политической жизни Руси VIII—X вв., в развитии даже хозяйства. Попытки преодолеть племенную раздробленность древнерусского язычества делаются в это время не только сверху, княжеской властью, как это неоднократно отмечалось в исторической литературе, начиная с Е. В. Аничкова,<sup>1</sup> но и снизу, от народа (см. об этом выше, стр. 33 и сл.).

<sup>1</sup> Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914., стр. 308 и сл.

В самом же утверждении единства Руси, в создании относительно единого древнерусского государства были заинтересованы не только представители господствующего класса, но отчасти и сам народ. Введение христианства и отмена язычества, если не субъективно, то во всяком случае объективно, отвечало интересам народа, поскольку оно крепило единство Руси и способствовало укреплению древнерусского государства с центром в Киеве.

Игнорирование классового характера византийской культуры приводило исследователей к совершенно неправильным представлениям о так называемом «византийском влиянии на Русь». Казалось, что византийская культура «влиятельна» на русскую культуру, как якобы «всякая» более сильная культура влияет на более слабую, причем Русь якобы совершенно пассивно поддавалась этому процессу «влияния», а Византия действовала активно и наступательно. Все дело сводилось к столкновению двух культур, в котором побеждала сильнейшая. Классовый характер обеих культур не интересовал исследователей. Две «национальные», общенародные культуры якобы вступали во взаимодействие и победа оказывалась на стороне одной из них.

Приведем некоторые характерные высказывания буржуазных искусствоведов, чтобы показать, как обстояло дело в старой буржуазной науке с вопросом о «влиянии» Византии. «История искусства, научно поставленная, — писал Н. П. Кондаков, — показывает нам, что всякое искусство начинает свою деятельность так называемым заимствованием, правильнее говоря, — общением с высшею культурою».<sup>1</sup> Еще более «разительное» и характерное высказывание встречаем мы у Д. В. Айналова: «Прямо скажу, что „космополитизм“ был раньше и есть теперь та счастливая особенность русского искусства, которая создала из него самостоятельное особое бытие».<sup>2</sup> Повидимому, Д. В. Айналов сам неясно понимал, что он писал, но его суждение не теряет от этого своей характерности.

В лучшем случае буржуазные исследователи говорили о том, что византийская культура, оказывая влияние на русскую, сама изменялась на русской почве: «...новая культура с христианством и письменностью налегала на старую, слабую и первобытную, претворяла ее, сама изменялась в зависимости от почвы, на которую она ложилась».<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Н. П. Кондаков. О научных задачах истории русского искусства. СПб., 1899, стр. 6.

<sup>2</sup> Труды II Всероссийского съезда художников, т. I, СПб., 1912, стр. 6.

<sup>3</sup> М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. Введение, Киевский период. М., 1920, стр. 150.

Между тем внутренний анализ состояния культур и базисов обеих стран ясно показывает, что дело обстояло гораздо сложнее, чем это представлялось обычно поверхностному и исторически необоснованному наблюдению старых буржуазных литературоведов. Сталкивались вовсе не две национальные культуры, и результат этого столкновения отнюдь не может быть определен как «влияние», под которым обычно понимается некий пассивный и стихийно происходящий процесс.

Конечно, все поднятые нами вопросы в связи с проблемой так называемого «византийского влияния» требуют углубленного изучения. Очень может быть, что в результате этого углубленного изучения некоторые из заинтересовавших нас в этой проблеме вопросов придется решать иначе, другие — и решать иначе, и ставить более точно, но совершенно ясно, что проблема восприятия какой-либо культурой элементов культуры другой не может решаться научно без учета классовых основ каждой культуры. В целом проблема так называемого «византийского влияния» оказывается гораздо более сложной, чем она казалась представителям старого литературоведения, пережитки которого в толковании этой проблемы явственно ощущаются еще и до сих пор.

Нужно особенно ясно себе представить, что процесс формирования литературы — явление сложное и многообразное. «Византийское влияние», даже и правильно понимаемое, представляло собою лишь одну сторону этого процесса и не было явлением определяющим, ведущим. Основой формирующейся литературы, как мы уже видели, была русская историческая действительность феодального периода во всем русском самобытном своеобразии ее частей.

